

Уважаемый читатель!

Пожалуйста, прежде чем начать читать, прочти краткое пояснение к названию этой книги. Писатель Шарль де Костер написал в 1867 г. книгу «Легенда об Уленшпигеле». Книга стала классикой бельгийской литературы. Вошла в сокровищницу мировой литературы.

Тиль Уленшпигель патриот своей Родины, шутник и остроумный насмешник, высмеивал дворян и королей. Он становится борцом за права своего народа. На подвиги его зовет пепел отца — Клааса, которого сожгла на костре инквизиция. Пепел — прах отца он носил на груди зашитым в мешочек и перед каждым подвигом говорил: «Пепел Клааса стучит в мое сердце!»

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Долгая дорога к горизонту

I

Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

В. В. Маяковский. 1929 г.

Завидовать мне было некому и нечего: «паспортина» была угрюмого темно-зеленого цвета, кроме того, как из нее явствовало, она была выдана ГОМ МВД Лужского района Ленинградской области, что само по себе подозрительно, но, главное, на основании справки об освобождении.

А это уже хуже некуда! Поэтому, когда я ее «доставал из широких штанин» и выкладывал на стол в очередном отделе кадров, лицо очередного «кадровика» делалось непроницаемым, «каменным», и следовал отказ в приеме на работу, хотя я претендовал только на физический труд. Когда это была «кадровичка» — на лице было сочувственное выражение и отказ был в извинительной форме. Но женщины вообще, как правило, добрее, и сострадание им более доступно!

Это было начало долгой дороги к горизонту, а что такое «горизонт», известно даже из школьных учебников: видимая линия, которая отдаляется по мере приближения. Итак, начнем путь, ибо дорогу осилит идущий, а никак не говорящий! Поезд Красноярск — Ленинград прибыл в родной город в конце зимы 1955 г. Рано утром позвонил в квартиру родителей.

Описать встречу после шестилетнего расставания, обычных слов недостаточно. Вокруг прыгала и ласкалась собака, она меня узнала и дождалась, а через полгода умерла. Родители состарились, у матери была неизлечимая тяжелая форма гипертонии, от нее и скончалась. Немыслимая нагрузка — шесть лет хоронить сына, который отбывал срок заключения за Полярным кругом, в гиблых местах лагерей Игарки, Дудинки, Норильска. Населенный пункт Ермаково был отмечен не на каждой карте, но там десятки тысяч заключенных на 503-й стройке прокладывали железную дорогу, которая вошла в историю как «мертвая дорога». Ей отданы 4 года жизни, с почти каждодневным риском выживания. Вернемся в Ленинград. Несколько дней только ел и спал, просыпался и опять ел. Единственно, избегал заходить на кухню, когда мать разделявала «трупички» кур и цыплят. Уж очень они цветом и трагически вытянутыми голенастыми ногами напоминали человеческие трупы, которые пришлось видеть в бесчисленном количестве. Оказывается, так и не привык к их виду, так и не «задубел»!

Наконец, наступил радостный момент: пошли с отцом и с его заявлением о моей прописке. В пылу радости обретенной свободы, я совершенно не придавал значения короткой строчке в справке об освобождении: о лишении меня гражданских прав сроком на пять лет. А зачем мне вообще какие-то гражданские права? Наивность! Это, прежде всего, означает высылку на 101-й километр, а уж потом лишение права выбирать и быть избранным. (Впрочем, без этого вполне можно было обойтись!) Поход в милицию кончился подпиской срочно, в 24 часа, покинуть город Ленинград. Вот она чем обернулась, долгожданная свобода! Пришла дворничиха, которая хорошо относилась к маме, и сказала, что у нее распоряжение донести в милицию, когда я останусь ночевать у родителей. В редкие мои наезды с ночевкой мать каждый раз давала дворничихе по 10 рублей.

Собрав нехитрые лагерные пожитки, правда, уже не в привычный «зэкковский» мешок, а в чемодан, поехали с отцом устраиваться в город Лугу Ленинградской области. Даже в 1955 г. Луга производила удручающее впечатление, она была почти вся разбита и не восстановлена после немецкой оккупации. Особенно тягостно было видеть обилие истощенных

старух в лохмотьях, когда-то претендовавших называться «пальто», но ныне превратившихся в нечто невообразимое, подпоясанное веревкой. При всем уважении и сострадании, их нельзя было назвать ни старушками, ни «дамами преклонного возраста». И особенно их много появлялось днем, когда они шли на обед в единственную на всю Лугу столовую.

В консервных банках они, очевидно, несли какую-нибудь немудрящую еду на вечер. Столовая была единственным подспорьем, чтобы не умереть с голоду. В магазинах был черный хлеб, муксун в томате (консервы) и водка, кроме того, ржавая, моя вечная спутница по лагерям, пересоленная сельдь. Маленький, жалкий рынок был совершенно не доступен по ценам. Очевидно, обилие очень пожилых женщин были отсидевшими свой срок «женами врагов народа». Все они отбывали 5-летний срок высылки. Но твердо уверен, что Власть они обманут — уйдя на тот свет раньше конца срока высылки! Ютились они в самых жалких домишках, снимая «углы» даже не отапливаемых мансард! Приходилось их навещать и поддерживать морально. С жильем мне повезло: первая встреченная на улице женщина на вопрос отца, не знает ли она, где снять комнату, привела нас к себе в чистый домик и показала отдельную комнатку, очевидно, чем-то мы у нее вызвали доверие. Она оказалась работником Лужской сберкассy. Муж погиб, жила очень скромно с взрослым умственно отсталым сыном, который даже не работал и выполнял по дому немудрящую работу: чистил картошку, топил печь.

С этой семьей у меня сразу же сложились очень хорошие, доверительные отношения, вскоре они меня стали приглашать вечером пить чай на свою половину, видя, что я вечерами сижу один в своей маленькой полутемной комнатке. С питанием было неважно. Все, что я привозил из дому в свои редкие наезды в Ленинград, как-то быстро съедалось. Оставалось рассчитывать только на обеды в столовой: постные щи или ячневый суп и второе из серых осклизлых макарон, которое почему-то называлось «гуляш». Правда, иногда попадались какие-то ошметки, жилочки, значит, все-таки это был гуляш! Невольно напрашивалось сравнение с моим лагерным рационом, когда я был нарядчиком, фельдшером, зав. баней и, главное, когда бесконвойником на коне, особенно

в Дудинке! Но я ведь был свободен! Со своими товарищами по высылке и почти моего возраста я почему-то избегал общаться. Целый день они ошалело метались по Луге с выпученными глазами и все время делились какими-то слухами. Жили они на деньги престарелых родителей и редко сохранивших верность жен. Я их избегал и к себе не приглашал.

В одно из своих блужданий по Луге я наткнулся на объявление о приеме в автошколу. Лужский паспорт уже был получен, оснований меня не принять не было. Обучение было трехмесячное. Я весь светился! Я священнодействовал, вел конспект, смотрел в рот и преданно в глаза единственному преподавателю. Точно так же я выкладывался, когда началась практическая езда на стареньком грузовичке, «ГАЗ-АА» (В просторечии: «Газ — два раза»). Вел занятия инструктор — пожилой шофер с местной автобазы. Экзамен сдан — я шофер III класса! У меня появилась специальность и есть документ!!! Первый мой документ об образовании. Долог будет путь до диплома кандидата педагогических наук. Вероятно, в благодарность за мои успехи в вождении и то, что меня можно было ставить в пример моим чуть туповатым товарищам по автошколе, инструктор (к сожалению, забыл, как его звали) привел меня на свою автобазу и представил в отдел кадров. Очевидно, характеристика была дана хорошая, я был оформлен и получил такой же точно грузовичок — полуторку «ГАЗ-АА». Это во многом облегчало начало работы. Работа заключалась в следующем. Я получал наряды-путевки и подъезжал с утра к Лужскому инкубатору, машина была наготове, как только был вывод очередной партии цыплят, их сажали в длинные картонные коробки по 100 штук, в две секции по 50 цыплят. Я мгновенно грузил их в открытый кузов грузовика, накрывал по многу сделанному жердевому каркасу брезентом и гнал в указанный в путевке колхоз Лужского района. Цыплята были «суточники» — они еще ничего не ели, и я гнал свой грузовичок, чтобы скорее доставить. В предупрежденном колхозе все уже было готово (тогда было напольное содержание): корм разложен, вода налита, лампы подогрева готовы к включению. Меня ждали, как самого дорогого гостя!

Через некоторое время сытые и обогретые цыплята весело попискивали. Время было другое, берегли и ценили

жизнь каждого цыпленка. Во время перевозки у меня почти не было отхода. Это только сейчас, во время вакханалии безответственности и бандитского вседозволенного беспредела, возможен совершенно вопиющий факт, когда из-за ведомственного конфликта ссыпали в помойные бочки живьем здоровых 400 000 цыплят! Виновных нет! Ау! Владимир Владимирович! Дмитрий Анатольевич! А вы где? На каком саммите в это время вещали? Ведь это преступное действие было показано по всем каналам телевидения! Вы, конечно, не видели?

Свой грузовичок я берег и лелеял, как когда-то коня, в бытность свою работы возчиком. Точно так я окружил заботой грузовичок. Всегда все подтянуто — каждая гайка, смазывал солидолом все узлы, всегда следил за уровнем масла в картере двигателя. Заново перебрал и замонтировал запасное колесо, заложив в него купленную на свои деньги камеру. И вот из-за него-то меня опять опалило лагерем. И я вспомнил, что я «зэк». Произошел инцидент, который перешел в опасный конфликт.

Утром, придя на автобазу, я обнаружил, что вместо моего запасного колеса в кузове лежит чужая «запаска» с лысой резиной и гнутым ободом. Доброжелатели шепнули, кто заменил. После разрядки, когда все пошли к своим машинам, подошел к крепкому «заблатненому» мужику, лет 40, который был полностью уверен в полной безнаказанности содеянного. Подошел при всех и попросил вернуть колесо. Ответ был издевательский, с поминанием моей матери и моей национальности. Он еще не успел закрыть свой рот, как мой отработанный не единожды правый прямой (кто учителя были!) его опрокинул на землю в мазутную лужу. Несколько ударов ногой, очевидно, уже были лишними, но остановиться я не мог. Впрыгнул в кузов его машины, взял свою «запаску», ему забросил его и уехал. Несколько дней ждал какой-нибудь пакости: пропоротых колес, испорченных тормозов, гадости в бензобаке, но все обошлось.

Я был прав, а «шоферня», особенно послевоенная, бывшая фронтная, была народом справедливым. Каждодневные рейсы с маленькими, удивительно громко пищущими желтыми шариками продолжались. На обратном пути подвозил сено,

дрова и другой груз, обеспечивающий такое трудное деревенское выживание, несмотря на труд от зари и до полной темноты. Стал завозить дрова «домой». Проблема с теплом была решена. Повидав в заключении всякого, что в нормальной человеческой жизни и в дурном сне — и то не приснится, я не уставал поражаться невероятному мужеству и трудолюбию деревенских женщин. Мужчин почти не было, всю работу, причем и самую тяжелую, выполняли женщины. Я не знаю, сколько они получали на трудодни, полагаю, что в разоренном немецким нашествием, бедном колхозе — не много. Питались плохо. Я полностью в курсе, так как в каждый мой приезд меня обязательно приглашали к столу: картошка, соленые огурцы, кислая капуста, крайне редко кусочек сала, хлеб, иногда кринка (гличик) молока! Но зато с каким искренним радушием, с какой доброжелательностью. Ни в какое сравнение не идет с современными изысками и громогласным застольем! А по выносливости и трудолюбию колхозных женщин у меня лишь одно сравнение, может оно и не уместное, но оно искреннее.

По старой памяти любви к лошадям, я заходил на конные дворы колхозов. Иногда расковывал захромавшую лошадь, расчищал копыта — я это умел. Кузнецы были не в каждом колхозе и были самой востребованной профессией. Ковать я не умел, но оказать первую необходимую помощь закованному охромевшему коню мог. В одном колхозе чудом остался, очевидно, от оккупации итальянской воинской частью — мул (помесь осла и лошади). Эти животные отличаются невероятной силой и выносливостью. Животное это было женского рода и звали его просто «мула». Меня ужас брал, когда я видел, сколько груза она таскала, а рядом столько же везла пароконная запряжка. Так вот, да простят мне женщины лужских колхозов 1955 г. Но сравнивать их работоспособность и выносливость я могу только с этой «мулой».

Время монотонно двигалось вперед, работа была физически не трудная, но достаточно напряженная, в голове была одна мысль: довести живыми, все зависело только от исправности старенького грузовичка. На автобазе уже были и более современные машины, например, «ГАЗ-51», но я не просил, и мне и не предлагали. Отношение ко мне было настороженное

после случая с «запаской», я был чужак, не напивался в день зарплаты, друзей на автобазе так и не завелось, публика, в общем-то, интеллектом была неотягощена. На инкубаторе отношения были гораздо лучше, коллектив в основном был женский. Так как мне редко удавалось сделать две «ходки» за день, то оставшуюся часть рабочего дня я охотно помогал на инкубаторе, брался за любую работу. Меня не обижали: писали лишние рейсы. Странная была жизнь. Вроде бы и свобода, но не совсем, ходил в телогрейке и в еще лагерных кирзовых сапогах, возвращаться «домой» в свою унылую полутемную комнатку не хотелось.

Иногда просто растягивал обратный путь, останавливал машину на обочине и шел в лес, особенно зимой — интересно было читать следы, иногда видел и живое зверье: несколько раз видел стайки волков, они осторожно шли след в след. Когда они оборачивались, в свете фар яркими изумрудами вспыхивали их глаза, несколько раз видел, очевидно, одну и ту же лисицу с четырьмя лисятами. Следы «мышкования» встречал неоднократно: разрытые норки с выкинутыми комками моха — гнездышками. Часто на дорогу ошалело выскакивали зайцы и одним прыжком с середины дороги исчезали в лесу. Когда глушил двигатель, со всех сторон неслись почти музыкальные трели дятлов, попискивали, а весной, как серебряные колокольчики, пели синицы, пронзительно свистели поползни, белочки были обычным явлением. Мечтал сам завести собаку, чтобы хоть какой-то друг был рядом, но понимал, что не имею на это право: работа временная, жилье временное, да и я сам какой-то временный. Началось тревожное ожидание возможных перемен. Интуиция не подвела: в один из приездов в Ленинград встретил сокамерника по Большому дому (МГБ), Володю Сергеева, тоже бывшего студента, еще был там один студент Валентин Смирнов. Долго настороженно обнюхивали друг друга, взаимно не доверяя, приучила власть! Но все же он, оттаяв, поделился информацией, что с другой стороны Ленинграда — Сосновский район вроде бы 101-й км, а вместе с тем с сосновской пропиской берут на работу в Ленинграде. Сама судьба: Сновскому жить в Сосновске!!! В ближайший выходной будний день поехал в Сосново. Место оказалось еще более дикое, там и разрушить-то немцам

было нечего, это не сегодняшний застроенный замками Курортный район. Недалеко от станции, на крыльце продуктового магазина сидело и маялось с похмелья несколько мужиков. На мой вопрос: «Мужики! Пропишите кто-нибудь!» — один согласился быстрее всех. Дежурный вопрос: «Что я должен?». Незамедлительный ответ: «Бутылка!» Ну и непуганный край! Знали бы они, что лужские кровососы сделали себе из прописки профессию!!! Правда, мой благодетель оказался не из Сосново, а из маленькой деревеньки — Снегиревка рядом. Пошли пешком.

В пустом сельсовете милая женщина, не задав ни единого вопроса, меня прописала и дала соответствующую справку и даже согласилась еще дать две копии. На радостях я ему при расставании купил еще «маленькую». Получилась странная ситуация: я был прописан, но не выписан из Лужского района. Ну и бдительность! Воистину Отец Народов помер! Увольняться с автобазы не стал, но усиленно занялся поиском работы в Ленинграде. Не берут! Пора менять то, что я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза — паспорт. Поехал в Сосновский райотдел милиции и написал заявление о потере паспорта! Господи! Какие милые люди работали в Сосновском райотделе! Они сразу все поняли (не я первый?) и сказали, когда явиться за новым паспортом. Заплатил штраф, целых 14 рублей! Приехал за паспортом. Он очень хорошо смотрелся — был выдан Сосновским РОМ МВД Ленинградской области, но уже на основании паспорта, выданного Лужским ГОМ МВД Ленинградской области. Упоминание о справке об освобождении исчезло!!! Уже можно было начинать завидовать мне. Но... все же странно, почему человек, родившийся в Ленинграде, мотается по области, как Ильич по всем его явочным квартирам и Разливам! Да и в графе «социальное положение» я опять значился рабочим, но это соответствовало трудовой книжке — «шофер».

Начались поиски работы в Ленинграде. Приятель отца уже работал главным инженером фабрики «Канат». Он дал клятвенное заверение, что возьмет. Назавтра, виновато пряча глаза, сказал, что не может... Пошел сам на Завод им. Свердлова, просто слесарем — нет. Составил список нескольких заводов — везде нет...

Подключилась к поискам двоюродная сестра (в прошлом переводчик при допросах фельдмаршала Паулюса).

В это время на заочном отделении Института им. Герцена учился полковник милиции Баранов, назавтра мы на его трофейном «виллисе» уже гнали в подведомственный ему совхоз МВД «Драничники», при таком «эскорте» директор совхоза Малкин мгновенно согласился взять меня шофером... Опять шофер, опять область, а чего было огород городить? Но большего полковник Баранов, на редкость симпатичный человек, сделать для меня не мог. И такие люди когда-то работали в милиции!!! С грустью вернулся в свою уже почти опостылевшую полуразбитую, укатанную конским навозом Лугу.

В следующий приезд в Ленинград набрел на объявление, что «УНР № 37» нуждается в рабочей силе. Уже прогресс: был я «рабской» силой, а теперь уже «рабочая» сила. Пошел наниматься, как-то странно почти сразу приняли и оформили «асфальтировщиком», от радости даже не спросил, а что это такое? Издевательский порочный круг был почти разорван: на работу не брали, пока не прописался, а не прописывали, пока не устроился на работу — продуманное издевательство! Назавтра объяснили, куда выйти на работу, это был какой-то завод. И вот тут-то я попал, так ведь на 3-й штрафной Игарских лагерей в карьере было полегче, но, правда, без конвоя.

В цеху завода бригада монтажников насаживала на вбетонированные в пол штыри станки и привинчивала их громадными гайками. Мы на тачках подвозили кипящий асфальт, который разгружал самосвал, и распределяли эту массу между «лап» станков и укатывали небольшими катками. Когда на улице асфальтируют дорогу, то близко не подойти из-за запаха и ядовитых испарений. А в цеху замкнутое пространство, дышать было почти нечем. Была постоянная тошнота, есть почти не мог. Одежду в комнату заносить было нельзя, выдержал чуть больше недели — пошел увольняться. Предвижу реплики: люди ведь работают! Верно, свыклись, смирились, я не знаю, почему они работают, может, запах асфальта нравится. Но я ведь свое уже отпахал, я больше не хочу, где она, эта свобода, о которой столько мечтал? В отделе кадров отнеслись сочувственно, опять женщины! И на мою гневную тираду, что я в лагере так не «пахал», и тем более в таких